

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О ХАРАКТЕРЕ ДВИЖЕНИЯ ГОРЦЕВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА в 40—60-х годах XIX века

М. В. Покровский

В ходе дискуссии о характере движения горцев Кавказа под руководством Шамиля на страницах журнала «Вопросы истории» были опубликованы статьи, авторы которых, давая оценку мюридистскому движению, сосредоточили свое внимание в основном на событиях, происходивших в той части Восточного Кавказа, где мюридизм получил наибольшее распространение.

Но известно, что некоторые горские народы, жившие в других районах Кавказа, не были втянуты в это движение, и их борьба против колониальной политики русского царизма протекала вне связи с ним. К числу таких народов относились осетины, кабардинцы, абхазцы, а также большинство племен адыге, населявшие обширную территорию Западного Кавказа.

Решение вопроса о характере мюридизма возможно лишь в результате глубокого исследования и объяснения причин, обусловивших различную степень его распространения среди отдельных племен и народов Кавказа.

Редакция журнала «Вопросы истории» обратилась с призывом к советским историкам принять участие в конкретно-исторической разработке вопроса о мюридистском движении¹. Настоящая статья является попыткой на основании изучения и анализа конкретного исторического материала, относящегося к адыгейским племенам, объяснить причины неудачи распространения среди них мюридистского движения и выявить социальную сущность мюридизма на Западном Кавказе.

Главное внимание в исследовании вопроса уделяется действовавшим в адыгейском обществе внутренним социально-экономическим факторам, которые могут дать ключ к пониманию этой сложной проблемы.

Попутно заметим, что некоторые авторы опубликованных в ходе дискуссии статей крайне недостаточно осветили внутреннюю социальную сущность мюридизма, что привело их к неясным положениям. Например, Г. Д. Даниялов, оценивая идеологию мюридов как оболочку «...прогрессивного национально-освободительного движения горцев Дагестана», должен был в то же время признать, что «для большей части народа власть Шамиля стала обременительной» и что «государство Шамиля могло продлить свое существование лишь путем всевозможных угроз и репрессий»².

Это утверждение требует научного объяснения. Необходимо показать на основе анализа конкретных социально-экономических факторов в жизни горцев Дагестана, почему прогрессивное движение могло развеваться под знаменем мюридизма и в таких организационных формах, которые были тягостны для большей части народа и не получили вследствие этого его прочной поддержки.

В XVIII — первой половине XIX в. у адыгов все еще сохранялись черты родового строя, но также развивались элементы новых феодальных отношений.

Процесс феодализации адыгейского общества сопровождался острой социальной борьбой, принимавшей характер настоящей гражданской войны.

В официальной русской переписке, а также в описаниях современников уже в начале XIX в. утвердилось деление адыгейских племен на «демократические» и «ари-

¹ «Вопросы истории». 1956. № 3, стр. 84.

² Г. Д. Даниялов. О движении горцев под руководством Шамиля. «Вопросы истории». 1956. № 7, стр. 72.

стократические». В основу этого деления русская военная администрация, а также авторы наиболее известных этнографо-исторических работ (Люлье, Сталь, Карлгоф, Дубровин и другие) клали те различия, которые существовали между формами общественной жизни шапсугов, нутухайцев и абадзехов, с одной стороны, и бжедухов, хатукаевцев, темиргоевцев и бесленеевцев — с другой.

Эти различия заключались в том, что свободные адыгейские общинники (фокотли) шапсугского, нутухайского и абадзехского племен, ведя упорную борьбу со своим дворянством, в конце XVIII — начале XIX в. сумели ограничить его власть и крепостнические притязания. Это обстоятельство и породило официально признанную версию о «демократическом перевороте», происшедшем в то время у части адыгейских племен. Однако четкого определения сущности социальных различий между «демократическими» и «аристократическими» племенами ни официальная переписка, ни историки, ни этнографы не давали. Кроме того, они почти не касались проявлений той социальной борьбы, которая продолжалась у адыгов в 40—60-х годах XIX в., охватывая также и «аристократические» племена.

В свете имеющихся данных борьба адыгейских фокотлей конца XVIII — первой половины XIX в. по своему характеру напоминает ранние крестьянские движения времени становления феодализма в Европе. Эти движения, направленные против надвигавшегося закрепощения, отнюдь не поворачивали колесо общественного развития вспять, к родовому строю, и, конечно, не сопровождалась ликвидацией намечившихся черт феодального развития.

Различие между «демократическими» и «аристократическими» племенами состояло не в большем значении родовых институтов у «демократических» племен, что якобы явилось результатом их реставрации в итоге победы массы общинников — фокотлей — над своим дворянством, а в своеобразии развития феодальных отношений у каждой из этих групп племен.

«Аристократические» племена отличались явно выраженными чертами складывающегося феодального строя, юридически оформленной сословной структурой общества, господствующей ролью владетельных князей и дворян и феодально зависимым положением значительной части крестьянства. Старший член княжеской фамилии считался главным князем племени.

У «демократических» племен феодализм развивался своеобразным путем. Развитие феодально-крепостнических тенденций адыгейской знати натолкнулось здесь на более упорное сопротивление массы фокотлей, возглавляемых выделившейся из их среды верхушкой в лице так называемых старшин.

Ключ к пониманию этих явлений дает известное положение К. Маркса о том, что при единстве и общности законов развития общества не исключено многообразие его конкретно-исторических форм: «...один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»³.

Наиболее значительными столкновениями, порожденными социальными противоречиями, у адыгов были: Бзюкская битва (Бзюкозауо) 1796 г. в долине речки Бзюико, в 19 верстах от Екатеринодара, и Пшиоркзауо (битва против князей и дворян) 1856 г. на левом берегу реки Кубани, близ аула Понежукай. В последнем сражении войска адыгейской феодальной знати были наголову разбиты ополчением восставших фокотлей; большое число дворян и князей было убито, а из числа захваченных в плен победителя даровали жизнь и позволили жить на прежних местах только тем, которые отказались от своих владельческих прав.

В развернувшейся борьбе фокотли, опираясь на общину (псухо), которая давала им необходимую «локальную сплоченность и средство к сопротивлению»⁴, отстаивали свое независимое существование и общинный уклад жизни. Старшины же видели в

³ К. Маркс. Капитал. Т. III. Госполитиздат. 1955, стр. 804.

⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат. 1953, стр. 162.

этой борьбе средство к уничтожению монополии княжеско-дворянской верхушки на власть и привилегии.

В результате этой борьбы дворянство «демократических» племен было ограничено в правах и привилегиях, политическая же власть перешла к старшинам, которые, в свою очередь, быстро обнаружили феодальные тенденции и стали ядром новой прослойки адыгейских феодалов. Это обстоятельство отмечали многие современники. Так, например, Н. Каменев в 1876 г. писал, что, «став в уровень с тлекотлешами», влиятельные старшины не прочь были «присоединить к этому званию и права, ему соответствующие»⁵.

Хан-Гирей, писавший в 40-х годах прошлого столетия, указывал, что старшины пользовались «...уважением и в некоторых случаях даже властью, принадлежавшими прежде исключительно одному дворянству»⁶.

Автор известных этнографо-исторических описаний племен Западного Кавказа Новицкий отметил, что отдельные старшинские семьи, возвысившиеся над дворянами, от которых они ранее были зависимы, иногда даже оказывали последним свое покровительство. Так, старшинская фамилия Кoble, по настоянию которой в 1831 г. был освобожден шапсугами захваченный ими в плен дворянин Бисльней Абат, была, как писал Новицкий, «до республиканского правления шапсугов подвластной фамилии Абат»⁷.

Это явление нашло отражение и в своде адатов, изданных Ф. И. Леонтовичем; в них говорится, что «князя как от разных внутренних причин, так и от внешних обстоятельств утратили прежний вес и влияние в народе и те особенные преимущества, которые принадлежали их сану; они хотя не совершенно сравнялись в своих правах со старшинами, но большая половина оных сходна между собой»⁸. По существу, старшины представляли собой новый слой неродовитого адыгейского дворянства, которое использовало сохранившиеся родовые институты адыгов в своих политических интересах. Старшины некоторых племен шли на компромисс с дворянством.

Социально-экономической основой подъема этого нового слоя адыгейских феодалов было признанное и зафиксированное адатом право всех свободных адыгов на землю, крепостных и рабов. Это означало, что в условиях не завершившегося еще к XIX в. захвата общинных адыгейских земель дворянско-княжеской знатью старшинская верхушка адыгейского аула, сосредоточившая в своих руках («по праву почетных лиц») значительное количество общинных земель и крепостных, а также ведшая крупную торговлю с Турцией, заняла в системе общественного производства то же место и находилась, по существу, в тех же отношениях к средствам производства, что и старое адыгейское дворянство.

Последнее же в условиях отсутствия у адыгов сложившихся форм государственности, сохранения социально-политических институтов общинного строя и непрекращавшейся межплеменной борьбы не успело закрепить в числе своих сословных привилегий исключительное право владения землей и людьми.

Ко времени продвижения в конце XVIII в. границ царской России к реке Кубани и развертывания последующих военно-политических событий XIX в. на Западном Кавказе социальный организм адыгейского общества, еще не зная четкого классового деления, был уже глубоко расчленен и представлял собою следующую картину.

Основной массой населения обеих групп адыгейских племен («аристократических» и «демократических») являлись свободные общинники-фокотли (воины и земледельцы), верхушка которых владела рабами и крепостными.

Многочисленные архивные данные говорят, что значительная часть фокотлей — «аристократических» племен — находилась под угрозой закрепощения со стороны князей и дворян и, несмотря на формальную принадлежность к свободному «сословию», обязана была нести в их пользу различные повинности. Так, в 1828 г. бжедужские фокотли, перестав повиноваться князьям Алкасу и Мухаммеду, жаловались русским

⁵ Н. Каменев. Бассейн Псекупса. Газета «Кубанские войсковые ведомости» № 27, 1867 год.

⁶ «Хан-Гирей, князь Пшьской Аходягоко». «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. 17. Тифлис. 1893, стр. 28.

⁷ КГА, ф. 261 Управление Черноморской кордонной линии, св. 199, л. 1231, л. 29.

⁸ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Вып. 2. Одесса. 1883, стр. 239.

властям, что этим князьям «ни по каким правам во владение не принадлежат, нигде и ни у кого ими не куплены и никакими средствами не укреплены..., между тем сии князья, простирая власть свою на их владение, дошли до того, что начали с них требовать всего половину и на подать султану Оттоманской Порты у них мужска и женска пола детей»⁹.

Адыгейскому обществу были известны три основные категории зависимых людей: унауты (рабы), пшитли и оги. Две последние категории отличались друг от друга по степени зависимости, по характеру и количеству лежащих на них обязанностей.

Наиболее тяжелым было положение унаутов. М. Венюков, наблюдавший социальный быт горцев, писал: «Положение низших классов везде тяжело. Ясырь осужден на вечную работу в поле и на дворе за какие-нибудь горькие чуреки и оборванную, поношенную одежду. Даже жизнь его зависит от произвола его господина. Оттого рабы и равнодушны к благосостоянию или неудачам их повелителей, оттого они насколько не печалются от водворения русских. Некоторые даже переходят к нам сами...»¹⁰.

Труд унаутов не подвергался регламентации. За нанесенные им увечья и обиды вознаграждение получал их владелец. За ними не признавалось права иметь семью, хотя владельцы и поощряли внебрачные связи унаутов, видя в них средство увеличения контингента рабочей силы и живого товара, вывозимого в Турцию.

Пшитли являлись собственностью своих владельцев и передавались по наследству. Они имели семью и имущество, хотя на последнее в ряде случаев владелец простирает свои притязания.

Несколько иным было положение огов. В отличие от пшитлей они обладали правом перехода от одного владельца к другому и значительно большими имущественными правами. Адыгейские князья и дворяне обычно сажали огов на тех участках земли, которые они выделяли для себя по праву «почетных лиц» из общинных владений. Преобладающей формой ренты для огов была продуктовая рента.

Князья и дворяне разных степеней, а у «демократических» племен и старшины составляли складывавшийся класс феодалов. Они пользовались преимуществами и привилегиями, закрепленными за ними адатом.

Кавказ с его природными богатствами и выгодным географическим положением явился в XIX в. ареной борьбы между Россией, Турцией и Англией. В этой обстановке адыгейские племена Западного Кавказа, запоздавшие в своем экономическом и политическом развитии, стали объектом колониальной экспансии.

Исследуя вопрос об отношении отдельных слоев адыгейского общества к происходившим на Западном Кавказе событиям, необходимо отказаться от упрощенного представления об участии в них горцев Западного Кавказа как «горцев вообще» и помнить о важнейших социально-экономических факторах жизни адыгейских племен и прежде всего о наличии у них социального расслоения и острой социальной борьбы, определявшей политические позиции этих слоев.

Русский царизм и его военная администрация на Западном Кавказе в своей колониальной политике всегда искали поддержку у адыгейской дворянско-княжеской элиты. Возводя ее представителей в офицерские чины, давая им ряд привилегий, обучая их детей в русских военных учебных заведениях, отпуская крупные суммы на жалованье, подарки и пенсии, царское правительство не осталось безразличным и к той социальной борьбе, которая происходила за Кубанью. Оно активно вмешивалось в нее и систематически оказывало вооруженную поддержку адыгейским князьям и дворянам против восставших фокотлей. Это обстоятельство хорошо прослеживается по источникам начиная с конца XVIII в. и вплоть до окончания Кавказской войны. В 1854 г. генеральный штаб писал, что «демократический переворот в закубанских племенах, у которых среднее сословие (тхвохотль) во второй половине прошлого столетия необыкновенно усилилось и лишило всех прав князей и дворян, не мог не подействовать на

⁹ КГА, ф. 249 Канц. Войск. атам. Черном. каз. войска, оп. 1, св. 156, д. 962, л. 310.

¹⁰ М. Венюков. Очерк пространства между Кубанью и Белой. «Записки Русского Географического общества». Кн. 2. 1863, стр. 66.

князей тех племен, которые еще удержали свою власть над народом, и они искали себе опоры в нашем правительстве»¹¹.

Следует заметить, что эта поддержка вызывалась не только одной лишь заботой о сохранении общественного положения адыгейского дворянства, но и тем общим реакционным курсом, какого держался царизм в области внешней политики.

В официальной переписке кавказского командования с Петербургом постоянно встречаются тревожные сообщения о «республике» и «республиканском устройстве», будто бы устанавливающихся у шапсугов, абадзехов и натухайцев, и подчеркивается растущая роль старшинской верхушки победивших фокотлей.

Царское правительство подходило к «обиженному» фокотлями представителю адыгейской военно-феодалной знати с привычной меркой русских крепостных отношений и рассматривало его как владельца, ведущего борьбу с воставшими крестьянами. Напуганные крестьянским движением внутри страны, правящие круги России огульно зачисляли в лагерь адыгейской «пугачевщины» и всех старшин «демократических» племен.

В ходе Кавказской войны царское правительство взяло под свою опеку значительную часть адыгейских князей и дворян, оттолкнув старшин шапсугов, натухайцев и абадзехов. Тогда старшины «демократических» племен стали открыто придерживаться протурецкого курса и энергично поддержали мюридистское движение, видя в нем залог сохранения и укрепления достигнутого ими экономического и правового положения.

Султанское правительство Турции и его администрация на Западном Кавказе со своей стороны не оставались равнодушными к политике царского правительства по отношению к адыгейской дворянско-княжеской знати и стремились противопоставить ей свое политическое влияние. Свообразием складывавшейся при этом обстановки было то, что обе стороны не могли обойти «крестьянского вопроса» у адыгов, поэтому адыгейские фокотли сделались объектом особого внимания со стороны России и Турции. Наиболее остро это сказывалось в годы военных конфликтов. Так, готовясь к войне 1828—1829 гг., турецкие военные власти в Анапе торжественно обещали от имени своего правительства фокотлям «аристократических» племен освобождение от всех повинностей, которые они несли в пользу князей и дворян. Одновременно с этим, чтобы не оттолкнуть последних, они тайно разъясняли им, что это мера временная, вызванная исключительно военными обстоятельствами. Делегации адыгейских князей и дворян, отправленной в Константинополь для уточнения этого вопроса, было прямо заявлено, что турецкое правительство не только не думает об освобождении фокотлей от повинностей, но, наоборот, после победы над Россией предоставит в их распоряжение свои войска для «наклонения закубанских народов низкого состояния к повинности дворянству»¹².

Однако подобные опыты в области социальной демагогии показали адыгейским князьям и дворянам чересчур рискованными, и они, отказавшись от поддержки Турции, поспешили наладить свои отношения с царским правительством.

Русское командование на действия турецкой администрации отвечало распространением за Кубанью воззваний, в которых обещало «подвластным и холопьям» владельцев, державшихся турецкой ориентации, «всегдашнюю вольность и покровительство»¹³.

Несвободное горское население Западного Кавказа (унауты, пшитли и оги) также использовалось в сложной политической игре. Русский царизм наряду с методами открытой военно-колониальной экспансии широко применял по отношению к указанным категориям адыгейского населения и социальную демагогию, не останавливаясь перед освобождением беглых рабов и крепостных и возведением значительной части их в «казацье достоинство» в целях политического воздействия на их владельцев. Они селились в станицах Черномории¹⁴, а также зачислялись в Донское казацье войско. Не зачисленные в казаки поселялись в прикубанских «мирных аулах».

¹¹ КГА, ф. 260 Черноморской береговой линии, св. 257, д. 2244, л. 5.

¹² Там же, ф. 249 Канц. Войск. атам. Черном. каз. войска, оп. 1, св. 158, д. 975 л. 136.

¹³ Там же, св. 161, д. 1003, л. 14.

¹⁴ Черноморией называлась часть территории Северо-Западного Кавказа, которая была отведена под поселение Черноморского казацкого войска по правому берегу нижнего и среднего течения реки Кубани.

К 30-м годам было установлено правило, в силу которого адыгейским князьям, дворянам, старшинам и фокотлям возвращались лишь те крепостные и рабы, которые бежали от них после принесения ими присяги царскому правительству. Те же унауты, пшитли и оги, которые пришли из-за Кубани до принесения их владельцами присяги, возврату не подлежали¹⁵.

Бегство адыгейских рабов и крепостных в Россию в ходе Кавказской войны ставит под сомнение тезис о наличии полного единства горцев в борьбе против России, поскольку многие из них видели в своем переходе к русским средство избавиться от рабства и крепостного состояния.

Принимая беглых рабов и крепостных, царское правительство стремилось воздействовать этим не только на адыгейских князей и дворян, но и на верхушку «демократических» племен шапсугов, абадзехов и натухайцев, которая также очень была заинтересована в эксплуатации зависимого труда.

Генеральный штаб незадолго до окончания Кавказской войны, говоря о тактике русского командования по отношению к этим племенам, указывал, что и у них «сохранилось еще сословие рабов и так же сильно все дорожат обладанием ими, как и в аристократических обществах. Входя с нами в какие-либо договоры, общества эти всегда заключают условия, чтобы мы возвращали беглых. Принятие беглых рабов в наши укрепления бывало всегда употребляемо как наказание против закубанских племен при разрыве их с нами, что заставляло их возобновлять прерванные с нами отношения»¹⁶.

В особенности широко эта тактика стала применяться в связи с увеличением общего числа беглых в 50-х годах XIX века. В это время шапсугские и натухайские фокотли в порядке репрессии произвели конфискацию у своих дворян 8466 принадлежавших им крепостных семей. Среди последних были семьи, достигшие значительного материального благополучия, имевшие по 200—250 голов рогатого скота¹⁷. О них в русской официальной переписке говорилось, что у адыгов «никогда холоп бывает богаче своего господина»¹⁸. По существу, это была прослойка несвободных зажиточных крестьян, которые в условиях кавказской действительности временно мирились со своим зависимым положением под надежной защитой сильного дворянина, обеспечивавшего им возможность относительно спокойной хозяйственной деятельности. Переход же в руки старшин и богатых фокотлей для этой социальной категории адыгейских племен был подлинной хозяйственной катастрофой, сопровождавшейся не только отобранием имущества, но изменением их правового положения и даже продажей в Турцию. Угроза продажи в Турцию и была, как свидетельствуют многочисленные сохранившиеся протоколы допросов, главной причиной бегства адыгейских крепостных в Россию. В этих протоколах сотни раз повторяется один и тот же мотив: «Владелец мой хотел жену и детей моих продать как невольников к туркам, и я, дабы не разлучаться с семейством, решил навсегда предаться под покровительство русских»¹⁹.

Изучение материалов не оставляет сомнений, что в сложном переплетении военно-политических событий, происходивших на Западном Кавказе, с моментами внутренней социальной борьбы, протекавшей у адыгов, отчетливо прослеживается стремление трудящейся массы свободного горского населения к прекращению войны и сближению с пограничным русским населением. Оно прорывалось через все препоны, создаваемые колониальной политикой царизма, политическими интригами правящих кругов Турции и поддерживавших ее европейских держав. С особенной силой это стремление проявилось на большом народном собрании двух адыгейских племен (шапсугов и абадзехов), которое состоялось 16 апреля 1845 г. в долине рек Антхир и Бугундир. Фокотли обоих племен решительно потребовали от старшин и духовенства прекращения войны и заключения мира с русскими²⁰.

¹⁵ КГА, ф. 261 Управления Черноморской кордонной линии, св. 98, д. 668, л. 1.

¹⁶ Там же, св. 257, д. 2244, л. 5.

¹⁷ Там же, св. 118, д. 955, л. 20.

¹⁸ Там же, ф. 252 Войск. Правл. Кубан. каз. войска, св. 168, д. 1419, л. 6.

¹⁹ Там же, ф. 249 Канц. Войск. атам. Черномор. каз. войска, оп. 1, св. 282, д. 1882, л. 96.

²⁰ Там же, ф. 261 Управления Черноморской кордонной линии, св. 97, д. 722, л. 32.

В основе этого явления лежали значительные экономические связи горцев с русским рынком и культурное влияние соседнего русского населения.

Ф. Энгельс отметил общее цивилизующее влияние России «...для Черного и Каспийского морей...»²¹, несмотря на колониальный характер политики русского царизма.

Н. Г. Чернышевский, полемизируя с английскими рецензентами, обрушившимися на книгу Гакстгаузена «Закавказье, очерки народов и племен между Черным и Каспийским морями», автор которой проводил мысль о положительном влиянии России на народы Кавказа, писал в № 7 «Современника» за 1854 г.: «Автор знаменитого путешествия, коротко узнав Россию, полюбил ее, и его «Закавказье» проникнуто симпатией к России и к русскому владычеству за Кавказом. Английские рецензенты, конечно, называют это если не пристрастием, то предубеждением. В самом деле, барон Гакстгаузен до того предубежден, что думает, будто бы, «поддерживая гражданский порядок в закавказских областях и цивилизуя их, русские пролагают путь цивилизации и в прилежащие азиатские страны». Сколько мы можем быть судьями в собственном деле, нам кажется, что это истина довольно простая; если память нас не обманывает, в ней даже и не думали сомневаться до начала войны ни англичане, ни французы»²².

В свете этих высказываний становятся понятными такие факты, как обращение «немирных» закубанских горцев, несмотря на жестокие действия русских властей, к русским врачам за медицинской помощью.

С половины 40-х годов XIX в. отчеты о состоянии Черноморского казачьего войска начинают отмечать, что «оспопрививание идет успешно... Горцы поняли спасительное действие оспопрививок и с охотой допускают в свои аулы наших оспопрививателей»²³.

Геленджикский лазарет, например, не мог поместить всех горцев, желающих поехать на излечение, и пришлось его значительно расширить. Из рапорта геленджикского коменданта видно, что только с 26 июня по 6 сентября 1838 г. на стационарном лечении в этом лазарете состояло 269 «немирных» горцев, лечившихся от различных хронических заболеваний²⁴.

Изучение материалов, относящихся к экономическим и культурным связям русского населения Северо-Западного Кавказа с горцами, позволяет установить, что, несмотря на военно-колониальный режим русского царизма со всеми его отрицательными сторонами, здесь уже с конца XVIII в. стал развиваться оживленный торговый обмен. Этот обмен выходил далеко за рамки официально признававшейся ограниченной сферы меновой торговли, которая в планах русского царизма была одним из средств колониального подчинения народов Кавказа. По официальным данным, торговые обороты русских с горами на пространстве от Анапы до Усть-Лабинской крепости достигли к 1835 г. 193 811 р. 68 к. серебром в год²⁵.

Однако и эта относительно крупная сумма не отражала действительного положения дел в области торговли с горами, так как большая часть как русских, так и горских товаров переправлялась через Кубань, минуя меновые дворы и стеснительную официальную регистрацию. В том же году Екатеринодарская карантинная контора жаловалась, что благодаря попустительству кордонной стражи через Кубань перевозятся «доставляемые от немирных черкесов с далеких мест пушные и прочие горского произведения товары гораздо в большем количестве, нежели как поступает оных для очищения в карантин»²⁶.

Предпосылками развития этой торговли были, с одной стороны, стремление свободного горского населения получать русские промышленные товары за счет сбыта своих изделий и сельскохозяйственных продуктов на русский рынок, а с другой стороны, жизненная необходимость русского населения Черноморья в горских продуктах, в том числе в первые десятилетия после переселения Черноморского казачьего войска

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, Соцэкгиз, 1931, стр. 52.

²² Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. 16 (дополнительный). М., 1953, стр. 243—244.

²³ КГА, ф. 249 Канц. Войск. атам. Черном. каз. войска, оп. 1, св. 266, д. 1764, л. 350

²⁴ Там же, ф. 260 Черноморской береговой линии, св. 1, д. 6, л. 4.

²⁵ Там же, ф. 324 Екатеринодарской карантинной конторы, д. 215, л. 49—68.

²⁶ Там же, ф. 261 Управления Черноморской кордонной линии, св. 57, д. 406, л. 103.

на Кубань и в хлебе. Насколько велика была потребность в хлебе, можно судить по тому, что когда в сентябре 1797 г. вследствие распространения за Кубанью чумы правительство запретило казакам мену хлеба у горцев, то войсковые власти оказались в очень затруднительном положении и настойчиво требовали отмены этого распоряжения, заявляя, что без покупки хлеба у черкесов «Черноморское войско не имеет ни малейших способов продовольствовать служащих на пограничной страже «козаков»²⁷.

Вопреки широко распространенному в буржуазной исторической литературе мнению, что закубанские товары доставлялись на русские рынки только армянскими купцами, а горцы в этой торговле не принимали участия, действительность говорит другое: в ней активно участвовали самые различные слои адыгейского населения. Весьма характерным было появление в 30—40-х годах XIX в. на русских меновых дворах, базарах и ярмарках мелкого адыгейского кушча. Как правило, это был зажиточный адыгейский фокотль, специализировавшийся на торговой деятельности. Уплатив торговую пошлину (курмук) своему князю или дворянину, он сначала робко, а потом все более энергично стал доставлять товары на правый берег Кубани.

Колониальная правительственная система военно-административного руководства горской торговлей, осуществляемая в узких рамках меновых дворов, уже в первые десятилетия XIX в. показала свою несостоятельность. Взаимная заинтересованность в свободном товарном обмене заставляла русских и адыгейских продавцов и покупателей обходить меновые дворы и встречаться на русских базарах и ярмарках, из которых особой популярностью пользовались базары Екатеринодара. «Пятничный базар в Екатеринодаре кишел черкесами», — писал посетивший в 1843 г. Екатеринодар М. Вагнер²⁸.

В торговый оборот широко вошли деньги, которые уже в 30-х годах XIX в. оказались «в большом спросе у самых различных племен, и особенно русские рубли, которые вытеснили холст, скот, соль, служившие средством обмена»²⁹. Деньги проникли и в сферу официальной меновой торговли на войсковых меновых дворах, в отчетах администрации которых уже с 1835 г. появляется новая графа под заголовком: «Продано горским народам за наличные деньги»³⁰.

Вызревание капитализма и рост фабричной промышленности в крепостной России уже в 30-х годах XIX в. привели к тому, что русские фабричные изделия стали широко проникать на Западный Кавказ. Основным каналом, по которому они туда шли, была ярмарочная торговля, пользовавшаяся большой популярностью среди горцев, несмотря на все стеснительные меры и запрещения царского правительства.

Торговые отношения адыгов с русским населением серьезно препятствовали укреплению позиций Турции на Западном Кавказе и сопровождались конкурентной борьбой, в которой приняла участие и английская торговая компания, основанная в Трапезунде³¹.

Описанные явления помогают подойти к пониманию тех событий, которые развернулись на Западном Кавказе в 40—60-х годах XIX века.

С 1842 г. среди горцев Западного Кавказа началась пропаганда идей мюридизма, являющегося по своей социальной природе, несмотря на все разнообразие внешних форм проявления, идеологией феодальных верхов. Это было одной из основных причин того, что в условиях напряженной борьбы свободного адыгейского крестьянства против грозящей ему феодальной зависимости мюридистское движение не получило здесь широкой поддержки народных масс, которые отказывались принять систему, насаждавшуюся намами Шамиля. В 1851 г. этот отказ принял характер вооруженного выступления, которое в русской официальной переписке квалифицировалось как всеобщее восстание адыгейских племен «против власти Магомета Амина»³² и закончилось свержением созданного им и его сторонниками режима.

²⁷ Там же, ф. 249 Канц. Войск. атам. Черном. каз. войска, оп. 1, св. 45, д. 355, л. 231.

²⁸ M. Wagner, *Der Kaukasus und das Land der Kosaken in den Jahren 1843 bis 1846*. В. 2. Leipzig, 1850, S. 116.

²⁹ I. Golovin, *The Caucasus*. London, 1854, p. 18.

³⁰ КГА, ф. 687 Усть-Лабинского менового двора, д. 91, л. 2.

³¹ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1268, оп. 1, д. 134, л. 77.

³² КГА, ф. 260 Черноморской береговой линии, св. 177, д. 1406, л. 125.

Новая попытка распространения мюридизма на Западном Кавказе относится уже ко времени Крымской войны и тесно связана с общей военно-политической обстановкой. Но и на этом этапе движение не получило характера массового вооруженного выступления против России, несмотря на воздействие ряда могущественных внешнеполитических факторов.

Все три действовавшие друг за другом наиба (Хаджи-Мухаммед, Сулейман-Эфенди и Мухаммед-Эмин) столкнулись со сложной обстановкой социальных противоречий и борьбы внутри адыгейских племен. Это заставило их, добываясь объединения горского населения для борьбы против России, лавировать между его борющимися общественными группами и прибегать к социальной демагогии.

Характерно, что царское правительство учитывало роль социальных противоречий и наличие различной внешнеполитической ориентации у адыгов как серьезного препятствия для развертывания мюридистского движения на Западном Кавказе. В официальном заключении по докладу о действиях Мухаммед-Эмина в 1849 г. говорилось, что здесь «по различию интересов различных классов народонаселения едва ли можно ожидать в скором времени какого-либо единодушного против нас восстания»³³.

Не останавливаясь на деятельности двух первых наивов Шамиля, поскольку деятельность первого из них была крайне кратковременна, а второй, потерпев неудачу, уже в 1846 г. перешел на сторону русского царизма, попытаемся в коротком обзоре последующих событий в общих чертах обрисовать мюридистское движение на Западном Кавказе.

Третьим наивом Шамиля был энергичный проповедник воинствующей доктрины мюридизма Мухаммед-Эмин. Прибыв в 1848 г. на Западный Кавказ, он, исходя из сложившихся у него представлений о социальной структуре адыгейских племен и явно переоценивая при этом роль и значение дворянско-княжеской знати, начал с установления с ней тесного политического контакта. Последняя со своей стороны вначале также довольно охотно его поддерживала, надеясь на помощь в укреплении своего покачнувшегося положения. Русские военные власти вынуждены были признать, что многие князья и дворяне сближаются с проповедниками мюридизма «в надежде восстановить через них прежние свои права»³⁴. Этим объясняется и тот недопустимый, с точки зрения сословных представлений адыгейской военно-феодальной знати, мезальянс, на который пошел главный темиргоевский князь Болотоков, выдав замуж свою сестру «за безродного пришельца» Мухаммед-Эмина.

Этот брак произвел крайне неблагоприятное впечатление на фокотлей «аристократических» племен, которые стали видеть в Мухаммед-Эмине представителя княжеской фамилии и обнаруживали к нему в силу этого весьма настороженное отношение. Понимая необходимость привлечения политических симпатий фокотлей «аристократических» племен, Мухаммед-Эмин сделал резкий поворот в их сторону. Он обещал им полное освобождение от всех феодальных повинностей. В официальном донесении русского командования говорилось о пропаганде агентов Мухаммед-Эмина, которые старались «подстрекнуть в свою пользу простой бжедухский народ обещанием свободы и независимости от князей и дворян, обременяющих народ». В начале 1850 г. русские власти, говоря о бжедухских фокотлях, отмечали, что «обещание свободы не могло не подействовать на них и возбудило некоторые толки в пользу предложения Магомета Амина»³⁵. В конце же этого года они вынуждены были признать, что у бжедухов «большая часть простого народа решительно расположена в пользу Магомета Амина, обещающего им полную личную свободу и независимость от прежних владельцев»³⁶, и что при его содействии они надеются «свергнуть с себя власть высшего сословия»³⁷.

Все эти известия не могли не встревожить русские военные власти, которые также стали на путь привлечения на свою сторону фокотлей. Командующий Черноморской кордонной линией по этому поводу писал: «При настоящем положении я считал обя-

³³ Там же, ф. 261 Управления Черноморской кордонной линии, св. 128, д. 1041, л. 39.

³⁴ Там же, ф. 260 Черноморской береговой линии, св. 178, д. 1413, л. 5.

³⁵ Там же, ф. 261 Управления Черноморской кордонной линии, св. 128, д. 1041, л. 86.

³⁶ Там же, св. 149, д. 1211, л. 4.

³⁷ Там же, св. 138, д. 1112, л. 197.

занностью воспользоваться всякими средствами, чтобы привлечь на свою сторону сколько возможно более приверженцев из простого народа»³⁸.

Разумеется, мероприятия Мухаммед-Эмина вовсе не означали его действительных намерений ликвидировать адыгейское дворянство как самостоятельный слой адыгейского общества и перестроить последнее на началах «всеобщего равенства»³⁹. Лучшим доказательством этого является то, что он не уничтожил существовавшие в адыгейском обществе формы феодальной зависимости. Он сам, взимая «штрафы» с непокорных племен, накопил в своем личном владении до тысячи душ крепостных и рабов⁴⁰.

Терроризировав князей «аристократических» племен и подвергнув часть их суровым репрессиям, Мухаммед-Эмин постарался сохранить за собой симпатии их «вассалов»-дворян как квалифицированной военной силы, необходимой для действий не только против русских войск, но и против фокотлей «демократических» племен, оказывавших ему упорное сопротивление.

Этот своеобразный раскол рядов военно-феодальной верхушки «аристократических» племен был достигнут Мухаммед-Эмином в силу того, что мелкие дворяне, недовольные тем предпочтением, которое оказывалось русским правительством крупной адыгейской дворянско-княжеской знати, стремились сохранить хотя бы часть своих сословных привилегий и, получив успокоительные обещания наиба, пошли навстречу его предложениям. Мухаммед-Эмин не только не посягнул на их права владеть пшитами и унаутами, но и всячески способствовал увеличению числа последних в их руках за счет захватываемых пленников в землях шапсугов и натухайцев. Для дворян «аристократических» племен это было своеобразной компенсацией со стороны наиба за тот вынужденный отказ от некоторых повинностей фокотлей, на который он заставил их согласиться. Часть же повинностей, несмотря на широкообещательные заявления Мухаммед-Эмина об их полной отмене, была фактически сохранена в виде взносов продуктами дворянам после уборки урожая.

Репрессии против князей, создавая вокруг Мухаммед-Эмина ореол борца за интересы народных масс, преследовали еще и другую цель: они наносили удар по княжеским притязаниям на самостоятельность, которая была несовместима с той централизацией власти, к которой стремился наиб, создавая здесь теократическую систему управления.

В результате этой политики Мухаммед-Эмина князья снова бросились в объятия царского правительства.

Тем не менее с началом Крымской войны Мухаммед-Эмин, столкнувшись с решительным отказом фокотлей «аристократических» племен сражаться на стороне союзников, снова счел возможным пойти на соглашение с адыгейскими князьями, давая слово «усилить власть этих князей, принудив подвластных им дворян и народ к безусловному повиновению»⁴¹. В случае же, если они отвергнут его предложения, «наиб грозил разрешить подвластным не признавать их своею главою и поступать с ними как с неприятелями чужого племени»⁴².

Этот шаг был подготовлен тем, что в предшествующий период времени народная масса фокотлей «аристократических» племен успела разочароваться в социальной политике Мухаммед-Эмина и, начав борьбу против установленного им режима, иногда обращалась за помощью к русским военным властям. Так, например, бжедухи, ведя в 1851 г. переговоры с командующим Черноморской кордонной линией генералом Рашилем, просили его «оказать им пособие от ненавистной власти Магомет Амина»⁴³. «Бжедуховское простонародье», недовольное половинчатой политикой Мухаммед-Эмина по отношению к дворянству, прямо заявило ему, что если так будет продолжаться дальше, то «простой народ будет иметь право подозревать его в сообщничестве с высшим сословием» и ему «повиноваться не будет»⁴⁴.

³⁸ Там же, св. 149, д. 1211, л. 5.

³⁹ Там же, св. 173, д. 1413, л. 9.

⁴⁰ «Акты Кавказской археографической комиссии». Т. XII, стр. 832.

⁴¹ КГА, ф. 260 Черноморской береговой линии, св. 177, д. 1406, л. 195.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, ф. 261 Управления Черноморской кордонной линии, св. 128, д. 1041 л. 368.

⁴⁴ Там же, ф. 254 Войсков. дежурства Черномор. каз. войска, св. 108, д. 947, л. 3.

Сложнее обстояло дело с распространением идей мюридизма у «демократических» племен. Здесь к 40-м годам XIX в. дворянство окончательно потеряло свое прежнее значение и было сильно ущемлено в имущественном отношении. В результате значительная часть шапсугских и натухайских дворян эмигрировала в Россию, оставшиеся же на родине вынуждены были пойти на соглашение со «старшинами».

Шапсугские дворяне-эмигранты часто зачислялись на службу в полки Черноморского казачьего войска. Эти представители горского дворянства на русской военной службе были преисполнены лютой ненависти к фокотлям и во время кубанских экспедиций жестоко расправлялись с ними и их семьями.

Иную позицию заняли дворяне, оставшиеся на родине. При первом же призыве к «священной войне» они охотно вошли в отряды мутазигов Мухаммед-Эмина. Причиной, которая толкала их на этот путь, было не только стремление улучшить свое материальное положение за счет военной добычи и захвата пленников, но и надежда под покровительством наиба занять более прочное и почетное общественное положение, чем то, в котором они оказались в результате «демократического переворота».

Архивные документы ясно свидетельствуют, что главной общественной силой у «демократических» племен, поддерживавшей мюридистское движение, были старшины. Мюридизм явился для них тем политическим трамплином, посредством которого они поднимались к власти над своими соплеменниками в рамках создаваемой наибами Шамиля государственной системы. Эта новая прослойка адыгейских феодалов, поднявшись на гребне волны крестьянского движения, направленного против закрепощения свободного населения дворянской знатью, не имела в своем распоряжении даже того примитивного аппарата принуждения, каким располагали адыгейские князья и знатные дворяне в лице своей многочисленной вооруженной дворни и подвассальных мелких дворян, группировавшихся вокруг их кунацких. Вполне понятно, что в бурном потоке военных и политических событий, происходивших на Западном Кавказе, старшины и примыкавшие к ним богатые фокотли увидели в порядках, насаждаемых наибами Шамиля, залог укрепления достигнутого ими положения.

Сообщения о кровопролитных сражениях, происходивших за Кубанью между народными ополчениями шапсугов и натухайцев и отрядами мутазигов, собранными Мухаммед-Эмином, свидетельствуют, что старшины делали все зависевшее от них для срыва единого фронта борьбы фокотлей против мюридов. Так, в частности, в сообщении о поражении 6 июля 1850 г., нанесенном ополчению шапсугов войсками Мухаммед-Эмина, говорилось, что «это произошло по проишкам шапсугских старшин, собравшихся с разных сторон на реку Убынь и расположенных в пользу Магомета Амина из видов воспользоваться участием в новом управлении, если Магомет Амин успеет утвердиться у шапсугов. Они-то и старались всеми мерами не допустить шапсугов к единодушному действию против Магомета Амина»⁴⁵.

Характерно, что связь руководителей мюридистского движения на Западном Кавказе со старшинской верхушкой и их прямую зависимость от нее были вынуждены отметить и иностранные наблюдатели. Так, майор д'Эрбинген, посланный союзным командованием в июле 1854 г. для личных переговоров с Мухаммед-Эмином относительно скорейшего развертывания последних операций против русских войск в Крыму и на Кавказе, с изумлением писал: «Я не знал тогда, кем был в точности наиб.. судя по явной почтительности, которая его окружала, я полагал его подлинным вождем этих плем. которые его сопровождали; позже я узнал, что он был ничем. Наиб был для них объектом уважения, но находился он среди них только для того, чтобы просить их помощи; он просил, но не командовал»⁴⁶. Старшины, укрепив свою политическую власть, стали обнаруживать отчетливые феодальные тенденции, хотя и вынуждены были временно маскировать их под покровом старинных родовых институтов.

Будучи отвергнуты русским царизмом, они в противоположность народным массам взяли отчетливый курс в сторону Турции, с которой были связаны к тому же торговыми интересами.

Ряд документов свидетельствует, что на почве расхождений в области внешней

⁴⁵ Там же, ф. 261 Управления Черноморской кордонной линии, св. 128, л. 1112, л. 62.

⁴⁶ Bazancourt. L'expédition de Crimée. La marine française dans la mer Noire et la Baltique. Vol. I, pp. 164, 165.

политики между фокотлями и старшинами, которых поддерживало мусульманское духовенство, происходили резкие столкновения. С особенной силой эти столкновения обнаруживались в решительных отказах фокотлей прекратить торговые сношения с русскими, несмотря на демагогические уверения мулл и старшин, что этого будто бы требует турецкий султан, и разжигание ими среди горского населения религиозного фанатизма.

Придя к выводу о необходимости в целях своего дальнейшего преуспеяния опереться на военно-полицейский аппарат мюридизма, старшины тайком от своих соплеменников собрались на съезд в долине реки Убинка и решили послать к Мухаммед-Эмину гонцов с предложением двинуться в Шапсугию. Однако шапсугским фокотлям стало известно, что «старшины намереваются просить Магомета Амина, чтобы тот вооруженной рукой покорил Шапсугию своему могуществу». Шапсугское крестьянство вопреки воле старшин взылось за оружие, чтобы «встретить Магомета Амина, когда сей последний будет итти громить их аулы»⁴⁷.

После того, как Мухаммед-Эмину все же удалось сломить сопротивление шапсугов, преданные ему старшины и муллы были назначены на посты мухтаров (начальников участков, каждый из которых состоял из ста дворов) и судей с огромными административно-полицейскими полномочиями.

Изъятие судебных дел из ведения общинных учреждений было одной из тех сторон государственности, насаждаемой наибами, которая сильно поколебала сохранившиеся еще у адыгов родовые институты и подняла значение новой, феодальной прослойки.

В этих условиях объективный социальный смысл борьбы адыгейских фокотлей против системы, насаждавшейся руководителями мюридистского движения, был не чем иным, как новым проявлением их борьбы против утверждения феодального строя, внедрившегося под оболочкой религиозной идеологии и теократической государственности.

Фокотли «демократических» племен, отказав в повиновении Мухаммед-Эмину и его администрации из числа преданных ему мулл и старшин, стремились в то же время лишить его и военной поддержки дворянства.

12 августа 1851 г. шапсуги, жившие между реками Аше и Псезуапе, собрались на большое народное собрание близ форта Лазарева. На этом собрании «простой народ, давший уже присягу не слушаться более ни в чем Магомета Амина, заставил дворян дать сию же присягу, присовокупив к тому, что дворяне должны действовать с простым народом заодно, в случае другие племена нападут на них за возобновление сношений с русскими»⁴⁸.

Начавшееся восстание скоро охватило все побережье, а затем и северный склон Кавказского хребта. Вослед за шапсугами восстали натухайцы, потом бжедужи и другие адыгейские племена. Мухаммед-Эмин с остатками своих сил вынужден был укрыться в землях убыхов, у границ которых восставшие сожгли построенную им крепость в долине Вардане⁴⁹.

Следует указать еще некоторые причины сравнительно слабого распространения мюридизма среди горцев Западного Кавказа.

Проникший на Западный Кавказ мюридизм воплощал в себе предельное развитие идей воинствующего ислама и ничем не напоминал о той роли магометанства, которому в свое время была «...чрезвычайно много обязана цивилизация Востока, да, говоря строго, и Запад — через Испанию и Крестовые походы»⁵⁰.

Столкнувшись с далеко зашедшим, несмотря на колониальную политику русского царизма, сближением значительной части горцев с русским населением, проповедники мюридизма стали на путь суровой диктатуры. Они создали аппарат управления, легший тяжелым бременем на народные массы. Фокотли обеих групп адыгейских племен были обложены тяжелой податью в русской серебряной монете и продуктами на содержание отрядов мутазигов. Хроническое состояние войны, навязываемое им, соединялось с требованием выставлять от 10 до 100 ополченцев с каждого участка и прекратить вся-

⁴⁷ КГА, ф. 261 Управления Черноморской кордонной линии, св. 128, д. 1112, л. 13.

⁴⁸ Там же, ф. 260 Черноморской береговой линии, д. 1206, л. 2.

⁴⁹ Там же, св. 177, д. 1406, л. 125.

⁵⁰ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. 16 (дополнительный), стр. 395.

кие сношения с русскими. Насколько последнее обстоятельство являлось препятствием для успеха дела мюридизма на Западном Кавказе, можно судить по откровенному признанию самого Мухаммед-Эмина, который, оправдываясь во время Крымской войны перед турецким командованием в своей неудаче поднять горцев на помощь союзным армиям и явно преувеличивая свои заслуги, заявил, что до приезда его в закубанский край горцы настолько сблизились с русскими, что «рядом пахали землю и косили сено...», что немного нужно было времени для того, чтобы оба народа слились в один», и что он успел совершенно отделить горцев от русских и полагает, что «сделал тем большую заслугу исламу и Порте»⁵¹. В действительности ему этого, конечно, достигнуть не удалось, и значительная часть горцев, несмотря на репрессии, продолжала по-прежнему посещать русские базары и ярмарки.

Отталкивало от мюридизма значительную часть горцев также и то, что руководство мюридистским движением не остановилось перед использованием межплеменной борьбы между отдельными адыгейскими племенами; в частности, Мухаммед-Эмин умело пользовался старинной враждой между шапсугами и бжедухами.

Перспектива превращения в подданных Турции, рисовавшаяся в результате победы союзной коалиции над царской Россией в годы Крымской войны, не привлекала народные массы горцев. Это обстоятельство было отмечено Ф. Энгельсом в его статье «Непостижимая война»: «...перспектива присоединения к Турции очень мало их воодушевляет»⁵². Этим и объясняется, что фокотли адыгейских племен во время Крымской войны не вышли из состояния политической пассивности, несмотря на воздействие европейской дипломатии и угрожающие декларации Мухаммед-Эмина, гласившие, что после изгнания союзниками русских с Кавказа только те из горцев «приобретут права турецкого гражданства и сохраняют право жить на прежних местах», которые присоединятся к их войскам, а все остальные «будут лишены всех прав и с ними поступят как с завоеванными, хотя бы они и явились с покорностью»⁵³.

Царское правительство препятствовало исторически прогрессивному стремлению широких масс адыгейских племен к сближению с русским народом, тормозило этот процесс, тем самым способствуя успеху социальной демагогии мюридизма. Примером политики царизма на Кавказе могут служить кровавые экспедиции царских войск в 1821, 1830 гг. и др., а также требование князя Воронцова к бжедухским фокотлям, которые, свергнув в конце 1851 г. власть Мухаммед-Эмина, обратились с просьбой к русскому командованию о принятии их в русское подданство. Воронцов заявил, что фокотли должны принести присягу обязательно вместе со своими князьями. Фокотли решительно отказались это сделать, так как боялись, что такая совместная присяга явится для бжедухских князей основанием по-прежнему посягать на их труд и свободу⁵⁴.

В заключение необходимо сказать, что главной причиной неудачи распространения мюридистского движения среди горцев Западного Кавказа явилось то, что народные массы адыгейских племен видели в нем орудие утверждения власти новой феодальной прослойки в лице старшин, вступивших в компромисс со старым адыгейским дворянством. В силу этого они вели борьбу против колониальной политики русского царизма вне тех организационно-политических форм, которые насаждались здесь наибольшими Шамиля.

⁵¹ КГА, ф. 249 Канц. Войск. атам. Черномор. каз. войска, оп. 1, св. 104, л. 898, л. 526.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 525

⁵³ КГА, ф. 261 Управления Черноморской кордонной линии, св. 174, л. 1432, л. 80.

⁵⁴ Там же, св. 149, л. 1211, л. 14.